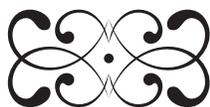


SALMAN  
❖ RUSHDIE ❖  
SHALIMAR  
THE CLOWN



САЛМАН  
РУШДИ  
КЛОУН  
ШАЛИМАР



РОМАН

*Перевод с английского*  
ЕЛЕНА БРОСАЛИНОЙ



издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44  
Р92

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

**Рушди, Салман**

Р92 Клоун Шалимар : роман / Салман Рушди; пер. с англ. Е. Бросалиной. – Москва :  
Издательство АСТ : CORPUS, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-17-121693-1

“Клоун Шалимар” – один из лучших романов Салмана Рушди. В этой полной любви, страсти, боли, трагедий истории четыре главных героя – бывший посол США в Индии Макс Офалс, его дочь Индия, ее мать Бунньи и ее муж Номар, которого все называют Шалимаром. Но в повествовании важнейшую роль играет Кашмир, спорная область Индостана, за которую борются Индия и Пакистан. Мелькают разные страны, люди разных национальностей и вероисповеданий пытаются понять, кто они на самом деле, хотят найти счастье, обрести потерянный рай.

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-121693-1

- © 2005, Salman Rushdie. All rights reserved
- © Е. Бросалина, перевод на русский язык, 2008
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
- © ООО “Издательство АСТ”, 2021  
Издательство CORPUS ®

# *Содержание*

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### *Индия*

#### ГЛАВА 1

13



## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

### *Буннъи*

#### ГЛАВА 2

73

#### ГЛАВА 3

134



## ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

### *Макс*

#### ГЛАВА 4

197

#### ГЛАВА 5

249



## ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

### *Клоун Шалимар*

#### ГЛАВА 6

307

ГЛАВА 7

341

ГЛАВА 8

389

ГЛАВА 9

427



ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*Кашмира*

ГЛАВА 10

447

ГЛАВА 11

485

ГЛАВА 12

507

*Светлой памяти моих любимых  
кашмирских родственников –  
деда д-ра Атауллы  
и бабушки Амир-ун-Ниссы Батт  
(Бабаджана и Аммаджи) –  
посвящается*





*Минуя рай, меня несет по адовой реке  
В глухую ночь, о мой изящный призрак.  
Удар сердечного весла дробит фарфор волны.*



*Я все, что было у тебя. Меня не стало.  
За это ты простить меня не пожелала,  
Но память обо мне тебя не оставляла.  
Прощать меня? За что? И ты простить не хочешь.  
Я боль таю от самого себя, но ею  
С собой одним я поделиться смею.  
Простить меня? О, есть за что, но ты не можешь.  
Ах, если б волею судеб моей ты стала,  
То мир преобразить моих бы сил достало.*

Ага Шахид Али. "Край, откуда не приходят письма"



*Чума на оба ваши дома!*

У. Шекспир. "Ромео и Джульетта"



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Индия*







чей дочь посла, движимая страстью к научному эксперименту, оставила возле постели включенный магнитофон, однако когда собственными ушами услышала омерзительный, будто с того света, голос — такой знакомый и одновременно абсолютно чужой, — настолько перепугалась, что тут же стерла запись. Но стереть не значит забыть. Что есть, то есть, от этого никуда не денешься.

К счастью, горячечные периоды сомнамбулической речи бывали краткими, но, когда заканчивались, некоторое время она лежала пластом, вся в поту, часто и трудно дыша, словно после быстрого бега, а затем проваливалась в тяжелый сон без сновидений. Вдруг просыпалась и долго не могла понять, где она и что с ней. Знала одно: в ее спальне кто-то есть. На самом деле никто к ней не входил. Являлось ей некое осязаемое во мраке присутствие отсутствия. У нее не было матери. Мать родила ее и умерла. Об этом ей сообщила жена посла, и посол, ее отец, это подтвердил. Мать была кашмиркой и утрачена была навсегда, как рай, как сам Кашмир. (Ей Кашмир и представлялся раем, и все, кто знал ее, вынуждены были принять это как аксиому.) Она вглядывалась во мрак, трепеща перед этим осязаемым отсутствием, этим бессловесным стражем — провалом в темноте, и с замиранием сердца ждала следующей, еще одной беды, — ждала, сама не зная, что ждет.

После смерти отца — ее великолепного отца, гражданина мира, наполовину француза, наполовину американца (“Как Статуя Свободы”, — сказал однажды он — ее обожаемый и осуждаемый, ее постоянно отсутствовавший, циничный отец, непоседа и соблазнитель) — к ней вернулся спокойный сон, будто от нее отвели проклятие. Словно она была прощена. Или он. Бремя греха было снято. Хотя она и не верила, что грех как таковой вообще существует.

Вплоть до смерти отца мужчинам было нелегко ладить с ней в постели, хотя в желающих недостатка не ощущалось. Сексуальные домогательства мужчин тяготили ее. Собствен-

ные ее желания оставались большей частью нереализованными. Из тех, с кем она переспала — а таких было немного, — ни один по той или иной причине ее не устроил. И поэтому (как бы для того, чтобы закрыть тему) она остановилась на заурядном субъекте и даже серьезно подумывала, не принять ли его предложение. Ну а потом... потом посла зарезали на пороге ее дома — зарезали, как цыпленка для халяльного стола, и он истек кровью от глубокой раны, нанесенной острым ножом. И это средь бела дня! Как, должно быть, блестяло лезвие в золотистых лучах утреннего солнца. Независимо от того, считать ли этот вечно ясный лик благословением для города или его проклятием. Дочь убитого принадлежала к той категории женщин, которые ненавидели безоблачное небо, однако ничего другого большую часть года этот город ей предложить не мог. Соответственно, ей оставалось только смириться с унылой чередой безоблачных месяцев, с иссушающим зноем, от которого трескалась кожа. В те редкие дни, когда, проснувшись, она ощущала в воздухе подобие свежести и видела, что небо затянуто тучами, она сладко потягивалась, выгибая спину, и на краткий миг чувствовала себя почти счастливой. Однако к полудню солнце неизменно сжигало облака без остатка, и с неба, обманчиво голубого, как делавшие мир чистым и светлым стены детской, снова нагло скалилось светило — будто человек, позволивший себе слишком громко расхохотаться в ресторане.

В таком городе не было места полутонам, во всяком случае так казалось на первый взгляд. Все здесь выглядело всегда до примитивности однообразно, без полутонов — ни тебе морозящего дождика, ни тени, ни пронизывающего холодного ветра. От пристального ока такого солнца нигде было спрятаться. Всюду и везде люди были на виду, словно манекены в витрине. Их тела, едва прикрытые одеждой, блестяли на солнце, и больше всего они напоминали ей персонажей с рекламных плакатов. Казалось, здесь не может быть места